

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15442

EDN: GYGAOA

Поэтика аутентичного текста М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно! — и некому руку подать...» (1840)

И. А. Киселева

Государственный университет просвещения
(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: irina-sever03@yandex.ru

Аннотация. Объектом исследования стали хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) автограф стихотворения Лермонтова «И скучно и грустно! — и некому руку подать...» (1840), с авторской правкой, а также история его публикаций — от первой, в «Литературной газете» (1840), до научных изданий XX–XXI вв. Цель исследования связана с выявлением специфики лермонтовского мышления, особенностей его миропонимания, запечатленных в дефинитивном тексте стихотворения. Аргументирована необходимость пересмотра традиционного подхода при подготовке произведения к печати. Сопоставление его автографа с прижизненными публикациями в «Литературной газете» и первом сборнике стихотворений (1840), а также в последующих научных изданиях выявило, что текст воспроизводился неточно: со значительным отступлением от авторской пунктуации (значимые тире зачастую были удалены или перенесены, добавлены многоточия, восклицательный знак в конце стихотворения заменен многоточием) и даже лексической заменой. Обращение к автографу стихотворения позволяет выявить целесообразность знакомства читателей с аутентичным текстом, который дополняет картину лермонтовского мироощущения и углубляет понимание произведения. Анализ конструируемых поэтом многочисленных антиномий, внимание к авторской пунктуации позволили в результате исследования преодолеть штампы восприятия стихотворения и дать его трактовку, согласующуюся с мироозерцанием Лермонтова. В статье выявлены смысловые центры текста, связанные с выражением духовно-душевного состояния лирического героя, для последнего — определены ценностные константы его душевной жизни. Прочтение стихотворения в аутентичном виде позволило приблизиться к пониманию душевного устроения поэта, особенностей его мышления и раскрыть духовные смыслы лермонтовского шедевра.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, «И скучно и грустно», черновой автограф, текстология, издательская традиция, авторская пунктуация, художественный образ, онтология

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-28-00207 «Лирика М. Ю. Лермонтова 1840 года: текстология, аксиология, поэтика», <https://rscf.ru/project/24-28-00207/>).

Для цитирования: Киселева И. А. Поэтика аутентичного текста М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно! — и некому руку подать...» (1840) // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 133–157. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15442. EDN: GYGAOA

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15442

EDN: GYGAOA

The Poetics of M. Yu. Lermontov's Authentic Text “So Dull, So Sad! — and No One to Lend a Hand...” (1840)

Irina A. Kiseleva

*State University of Education
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: irina-sever03@yandex.ru

Abstract. The object of research is the autograph of Lermontov's poem “So Dull, So Sad! — and No One to Lend a Hand...” (1840), which is stored in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) and contains the author's edit, as well as the history of its publication: from the first in “Literaturnaya gazeta” (1840) to scientific publications in the 20th — 21st centuries. The purpose of research is to identify the specifics of Lermontov's thinking, the features of his worldview captured in the definitive text of the poem. The need to revise the traditional approach to preparing a work for publication is discussed. A comparison of the autograph with the publications of the poem in “Literaturnaya gazeta” and the first collection of poems (1840), as well as in subsequent scientific publications, revealed that the text was reproduced inaccurately, with significant divergences from the author's punctuation (significant dashes were often removed or moved, ellipses were added, the exclamation mark at the end of the poem was removed), conjunctions and a pronominal were replaced with adverbs. It demonstrates that turning to the autograph of the poem “So Dull, So Sad! — and No One to Lend a Hand...” allows to identify the expediency of introducing readers to the authentic text, which complements the representation of Lermontov's worldview and deepens the understanding of the text. The analysis of the numerous antinomies constructed by the poet and attention to the author's punctuation allowed to overcome the clichés of the poem's perception and provide an interpretation consistent with Lermontov's worldview. The article identifies the semantic centers of the poem associated with the expression of the spiritual and mental state of the lyrical hero, and defines the value constants of his spiritual life. Reading the poem in its authentic form allows us to get closer to understanding the poet's mental state, the peculiarities of his thinking and reveal the spiritual meanings of Lermontov's masterpiece.

Keywords: M. Yu. Lermontov, “So Dull, So Sad”, draft autograph, textual criticism, publishing tradition, author’s punctuation, artistic image, ontology

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-28-00207, <https://rscf.ru/project/24-28-00207/>).

For citation: Kiseleva I. A. The Poetics of M. Yu. Lermontov’s Authentic Text “So Dull, So Sad! — and No One to Lend a Hand...” (1840). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 4, pp. 133–157. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15442. EDN: GYGAOA (In Russ.)

Стихотворение «И скучно и грустно! — и некому руку подать...» (1840) является одним из шедевров лермонтовской лирики. Его черновой автограф с авторской правкой¹ сохранился в составе коллекции С. А. Рачинского на одной странице с наброском стихотворения «Посреди небесных тел...» (1840). На обороте листа находится черновой автограф стихотворения «К портрету» (1840) (см.: [Киселева, Поташова, 2024а]). Впервые это произведение появилось в «Литературной газете» за 1840 г.², с незначительными изменениями вошло в первое прижизненное собрание стихотворений Лермонтова (1840) и сразу же получило отклики в литературной критике. В. Г. Белинский, выделяя его наряду с «Казачьей колыбельной песней» (1838) и «Молитвой» («В минуту жизни трудную...») (1839), признавал, что «Пушкин умер не без наследника» [Белинский: 231]. Совершенно справедливо полагая, что истина сама по себе уже есть «высочайшая нравственность», критик писал, что «из того же самого духа поэта, из которого вышли такие безотрадные, леденящие сердце человеческое звуки, из того же самого духа вышла» и лермонтовская традиционная молитвенная лирика — «мелодия надежды, примирения и блаженства в жизни жизни» [Белинский: 185]. Духовное содержание стихотворения отмечали и в литературоведении XX в. Г. Д. Гачев рассматривал его как знаковый текст, отражающий идею зарождения передачи в художественном слове «диалектики души», как погружение на «дно внутреннего

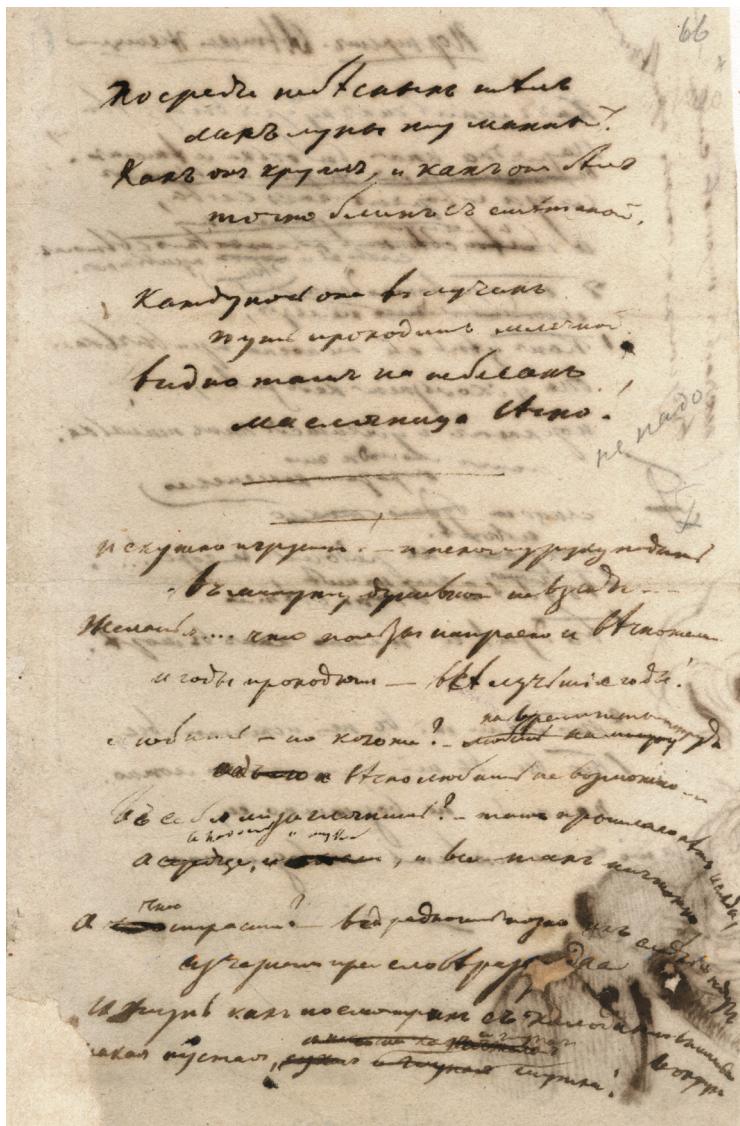
¹ Лермонтов М. Ю. И скучно и грустно... // РГАЛИ. Ф. 427 (Рачинские). Оп. 1. Ед. хр. 986 (Альбом автографов, собранных Сергеем Александровичем Рачинским). Крайние даты: 19 октября 1816 — 8 мая 1869. Л. 66.

² Литературная газета. 1840. № 6. 20 января. Стлб. 133. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ЛГ.

мира», считая, что Лермонтов в нем «сразу включает ток внутренней жизни, обнажает борьбу взаимно-противоречивых влечений и мыслей» [Гачев: 267]. В современной науке с ее тяготением к структурно-семантическому анализу наметились тенденции к изучению грамматики данной элегии; ценными представляются те из них, в которых форма текста ставится в непосредственную связь с его содержанием. Так, например, И. Н. Лукьяненко отмечает, что употребление в нем Лермонтовым бессубъектных предложений «напрямую относится с одним из важнейших вопросов, решаемых им в последние годы жизни, — вопросом о свободе воли и предопределении судьбы человека» [Лукьяненко: 67]. Традиция рассмотрения стихотворения как результата духовных усилий поэта по осмыслинию человеческого бытия и сама сила эмоционального воздействия произведения побуждают отнести к его тексту с особым вниманием. При наблюдении над историей изданий стихотворения были выявлены некоторые расхождения, касающиеся преимущественно его пунктуации. Сравнение публикаций текста (в том числе прижизненной — в сборнике стихотворений Лермонтова 1840 г.) с автографом позволяет говорить о целесообразности знакомства читателей с рукописным первоисточником, который дополнит картину лермонтовского мироощущения и углубит понимание произведения: ведь читать текст в авторской пунктуации — «все равно что по нотам читать партитуру композитора» [Захаров, 1999: 195]. Реконструкция авторского синтаксиса позволит рассмотреть «поэтику стихотворения в неразрывной связи с авторским сознанием» [Киселева, Поташова, 2020: 131].

Далее представлены фрагмент листа с черновым автографом стихотворения Лермонтова «И скучно и грустно! — и некому руку подать...» (см. Илл. 1), а также транскрипция лермонтовской рукописи в сопоставлении с изданием в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова»³ (1840) и указанием разнотений с первой публикацией в «Литературной газете» (см. Табл. 1).

³ Стихотворения М. Лермонтова. СПб.: Тип. Ильи Глазунова и К°, 1840. С. 109–110. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения 1840 и указанием страницы в круглых скобках.

Ипл. 1. Черновой автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова
«И скучно и грустно! — и некому руку подать...»⁴

Fig. 1. The draft autograph of M. Yu. Lermontov's poem
“So Dull, So Sad! — and No One to Lend a Hand...”

⁴ Место хранения автографа: РГАЛИ. Ф. 427 (Рачинские). Оп. 1. Ед. хр. 986. Л. 66.

Таблица 1 / Table 1

№ стиха	Черновой автограф (РГАЛИ. Ф. 427.1.986. Л. 66)	Публикация 1840 г. (сб. «Стихотворения М. Лермонтова»)
	(заглавие отсутствует)	И скучно, и грустно.
1	<i>И скучно и грустно! — и некому руку подать</i>	И скучно, и грустно, и нёкому руку подать (В ЛГ: И скучно!... и некому руку подать)
2	<i>въ минуту душевной невзгоды...</i>	Въ минуту душевной невзгоды...
3	<i>Желанья... что пользы напрасно и въчно желатъ</i>	Желанья!.. что пользы напрасно и въчно желать?..
4	<i>и годы проходятъ — всѣ лучшие годы! а. и годы проходятъ — въ б. и годы проходятъ — всѣ лучшия годы!</i>	А годы проходятъ — всѣ лучшие годы!
5	<i>Любить — но кого же? — на время не стоить труда а. Любить — но кого же? — любить на минуту</i>	Любить... но кого же?.. на время — не стоить труда,
6	<i>а въчно любить не возможно... а. Начато: А долго и?> б. Начато: надолго</i>	А въчно любить невозможно.
7	<i>Въ себя ли заглянишь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,</i>	Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
8	<i>а радость и муки, и все — такъ ничтожно, а. а* сердце, и мысли, и все — такъ ничтожно, (*а не зачеркнуто)</i>	И радость, и муки, и все тамъ ничтожно... (В ЛГ: мука)
9	<i>Что страсти? — вѣдъ радно (sic!) или позорно ихъ сладкія (sic!) недугъ а. Начато: Что страсти? — вс?> б. Начато: А* страсти? (*А не зачеркнуто)</i>	Что страсти? — вѣдъ рано иль поздно ихъ сладкій недугъ

10	<i>изчезнетъ при словѣ разсудка</i>	Исчезнеть при словѣ разсудка;
11	<i>И жизнь какъ посмотриши<ѣ> съ холоднымъ вниманьем<о> вокругъ</i>	И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ —
12	<i>такая пустая и глупая шутка!</i> а. <i>такая пустая, сухая и глупая шутка!</i> б. <i>такая пустая, и<ѣ> несносна<ѣ> какъ глупая шутка!</i> в. <i>такая пустая, тяжелая шутка!</i>	Такая пустая и глупая шутка...

Практически все научные издания воспроизводили вариант стихотворения, идентичный публикации в прижизненном сборнике, с редкими вариациями пунктуации в первом стихе (все научные издания советского времени следовали автографу и не ставили запятую между словами «и скучно и грустно», издание 2014 г. восстанавливает эту запятую [Лермонтов, 2014: 312]); в четырехтомном собрании сочинений (1961–1962; 2-е изд.: 1979–1981) впервые добавлена отсутствующая в прижизненном издании запятая в конце 11-го стиха, закрывающая вводную конструкцию [Лермонтов, 1961: 468; 1979: 426]. Наиболее близким к автографу (факсимиле которого публикуется тут же) является вариант Полного собрания сочинений 1935–1937 гг. под редакцией Б. М. Эйхенбаума, хотя и там есть разнотечения с оригиналом, проявляющиеся в расстановке знаков препинания (в 3, 5, 8, 10, 11-м стихах), замене слов (союзов «и» на «а» — в начале 4-го стиха, «а» на «и» — в начале 8-го стиха; частицы «так» на местоименное наречие «там» в 8-м стихе — эта лексическая мена наблюдается во всех изданиях, начиная с обоих прижизненных) и постановке ударения в слове «нѣкому» в 1-м стихе (как в 1840). Только в издании 1935–1937 гг. сохранен лермонтовский вариант написания предикатива «скучно» [Лермонтов, 1936: 60],

отражающий произносительную норму⁵. В иных публикациях выявлены неоправданные пунктуационные мены относительно автографа в 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12-м стихах: устраниены или добавлены многоточия, восклицательные и вопросительные знаки, точки, знак тире, происходит вольная замена запятых, что практически всегда соответствует изданию в сборнике стихотворений 1840 г.

Проанализируем подробнее разнотечения между черновым автографом стихотворения и его прижизненной публикацией в отдельном издании. В 1-м стихе прижизненного издания (1840: 109; а также в издании 2014 г. [Лермонтов, 2014: 312]) в первой части поставлена отсутствующая в автографе запятая; также заменены на запятую восклицательный знак и тире: «И скучно, и грустно, и нèкому руку подать» / «И скучно и грустно! — и некому руку подать».

В 3-м стихе добавлены восклицательный знак — в начале стиха и комбинация вопросительного знака с многоточием — в конце: «Желанья!.. что пользы напрасно и вѣчно желать?...» / «Желанья... что пользы напрасно и вѣчно желат<ь>».

В 4-м стихе начальный союз «и» заменен союзом «а»: «А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!» / «и годы проходютъ — всѣ лучшіе годы!».

В 5-м стихе при публикации в конце добавлена необходимая перед противительным союзом «а» запятая, не прочитывающаяся в рукописи (поскольку вторая часть стиха представляет собой запись над строкой с недописанными словами); знак тире перенесен в другую часть предложения, что принципиально меняет синтаксис стихотворения: «Любить... но кого же?.. на время — не стоитъ труда,» / «Любить — но кого же?.. на время не стоитъ труда».

В 7-м стихе запятая заменена точкой с запятой: «Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда;» / «Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,».

⁵ Согласно «Частотному словарю языка М. Ю. Лермонтова», в таком написании это слово встречается в текстах поэта не менее 4 раз, наравне с общепотребительным «скучно» [Частотный словарь]. В современных публикациях, если воспроизвести в данном случае оригиналную орфографию («скучно»), необходимо оговаривать это в примечании.

Самые значимые изменения, полностью меняющие грамматическую структуру предложения и заметно искажающие изначальный смысл текста, видим в 8-м стихе: «И радость, и муки, и все тамъ ничтожн...» / «*и радость и муки, и все — такъ ничтожн.*». Замена начального союза («*и*» на «*и*») и хорошо читающейся в автографе усилительной частицы «*такъ*» на указательное наречие места «*там*» повлекла за собой и постановку других знаков препинания — при таком прочтении предложение прочитывалось как ряд трех однородных подлежащих при повторяющемся союзе «*и*», требующем постановки двух запятых (*и радость, и муки, и всѣ тамъ ничтожн.*). Изначальный рукописный текст имел совершенно другое членение: 1) описание внутреннего состояния лирического героя (7-й — первая половина 8-го стиха) (*Въ себя ли загляниши? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда, а радость и муки,;*); 2) анализ этого состояния (*и все — такъ ничтожн.*)

В конце 10-го стиха при публикации был добавлен знак точки с запятой, который у Лермонтова обычно достаточно четко читается. Учитывая, что в автографе этот знак отсутствует, на его месте целесообразнее поставить точку: пауза там логична, а в рукописях Лермонтов нередко опускал знак точки в конце предложения как подразумеваемый; кроме того, в таком случае третья строфа уподобится по структуре двум первым, где первые два стиха представляют собой отдельные законченные предложения.

Исправления, внесенные в 11-й стих, стоит признать оправданной конъектурой: они связаны с выделением вводной конструкции, имеющей значение субъективной оценки («*И жизнь, какъ посмотрѣши съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ —*»), однако логичнее было бы выделить ее с двух сторон запятыми, чем вносить более эмоционально нагруженный знак тире.

Заключительный 12-й стих в черновом автографе заканчивается восклицательным знаком («*такая пустая и глупая шутка!*»), тогда как все издания, кроме подготовленного Б. М. Эйхенбаумом, ставят тут многоточие. Редакторские изменения в первом и двенадцатом стихах, образующих заголовочно-финальный комплекс стихотворения, значимы для его восприятия, а потому восстановление авторской пунктуации здесь представляется особенно важным.

В. Я. Брюсов так характеризовал редакторскую политику журнала XIX в. «Русский Архив»:

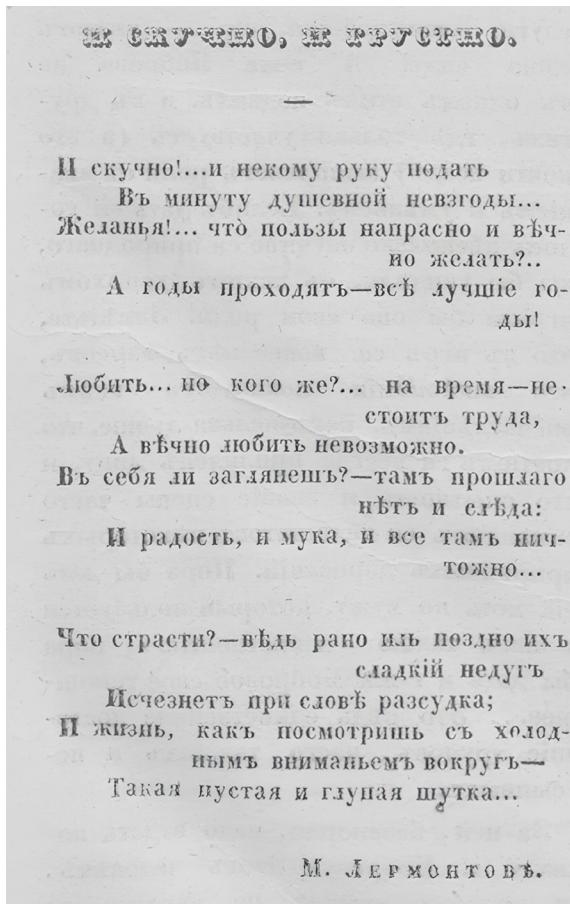
«Как издатель Бартенев принадлежал, бесспорно, не к нашей эпохе. Современные методы исследования и издания документов были ему чужды. Он считал себя вправе не только сокращать, но порою даже подновлять печатаемый текст»⁶.

Вполне понятно, что по меркам XIX в. «подновлять» текст считалось вполне допустимым, и А. А. Краевский не был тут исключением, тогда как на современном этапе развития текстологии целесообразно «придерживаться доступного знания авторской воли» [Киселева, Поташова, 2024б: 289].

При жизни Лермонтова было опубликовано два варианта стихотворения «И скучно и грустно»: в «Литературной газете» и в первом издании сборника стихотворений Лермонтова (редактором в обоих случаях выступал А. А. Краевский). В более ранней публикации «Литературной газеты» (см. Илл. 2) редактор меняет стихотворный ритм и содержание первого стиха, используя четырехстопный амфибрахий (характерный для заключительных в каждой строфе стихов этого текста и предполагающий в рамках заданного стихотворения женскую клаузулу) вместо пятистопного амфибрахия с мужской клаузулой (который последовательно употребляется во всех нечетных стихах стихотворения). Также он устраниет лексему «грустно», оставляя ее лишь в заглавии: «И скучно!.. и некому руку подать» (ЛГ). Редактор смещает акценты в соответствии со своим пониманием текста, хотя следует отметить, что в обоих прижизненных изданиях стихотворению дано единое заглавие: «И скучно, и грустно». В автографе Лермонтова оба слова категории состояния также присутствуют («*И скучно и грустно! — и некому руку подать*»), однако они не разделены запятой: «и скучно и грустно» — это не перечисление, как посчитал, по всей вероятности, первый издатель стихотворения. И если в 1840 редактор ближе к аутентичному тексту, то в ЛГ (см. Илл. 2) он убирает избыточную, на его взгляд, характеристику, возможно, считая первое состояние («скучно») исчерпывающее ёмким для передачи основной идеи стихотворения.

⁶ Брюсов В. «Обломок старых поколений»: Петр Иванович Бартенев // Русская мысль. 1912. Кн. 12. С. 116 (2-я паг.) [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB20000680?page=130&rotate=0&theme=white (12.03.2025).

Эту емкость он подчеркивает постановкой после слова «скучно» восклицательного знака (в первоисточнике стоявшего после конструкции «и скучно и грустно») с многоточием. Однако выбранная лексема «скучно» сама по себе не в состоянии отразить весь спектр состояний лирического героя, что почувствовал, вероятно, и редактор стихотворения, продолжив работу над ним и предложив новый вариант в первом собрании стихотворений поэта.

Илл. 2. Первая публикация стихотворения «И скучно, и грустно» (Литературная газета. 1840. № 6. 20 января. Стлб. 133)

Fig. 2. The first publication of the poem "So Dull, So Sad" (Literary Newspaper. 1840. No. 6. January 20. Column 133)

В романе «Герой нашего времени», который может рассматриваться как сюжетное развертывание лермонтовской элегии, отразившей «переживания поэтом человеческой богооставленности» [Гулин: 6], эти две основы не уравниваются. «Скучно» — это маркер байронического образа Печорина, его томление бездеятельностью, хотя в самом себе определение уже антиномично, в нем — сочетание желания деятельной жизни («Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига; его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится...» [Лермонтов, 1957; т. 6: 338]) и усталости от жизни («Что ж? умереть, так умереть: потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно» [Лермонтов, 1957; т. 6: 321]). Категория «грустно» в художественном мире Лермонтова имеет психологическую наполненность и рождает эмпатию по отношению к герою. Она используется как при характеристике образа Печорина («Когда он ушел, то ужасная грусть стеснила мое сердце» [Лермонтов, 1957; т. 6: 273]), так и при создании образов страдающих персонажей с однозначной оценкой — Максима Максимыча («Хорошо вам радоваться, а мне так право *грустно*, как вспомню»), Бэлы («Мало-по-малу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и все *грустила*, напевала свои песни вполголоса...») и Мери («...ее большие глаза, исполненные неизъяснимой *грусти*, казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду...» [Лермонтов, 1957; т. 6: 228, 220, 316] (выделено мной. — И. К.)). Именно сочетание онтологической и психологической составляющих слов категории состояния «скучно» и «грустно» отражает глубину лермонтовского текста. Лермонтов не ставит между ними запятую, потому что перед нами не перечисление, а констатация сложного состояния экзистенциальной тоски по идеалу любви и горечи от духовного одиночества.

Передачу этого сложного, отчасти антиномичного духовно-душевного состояния лирического героя поддерживает и 8-й стих («*а радость и муки, и все — такъ ничтожно*»), который является своеобразным зеркалом по отношению к 1-му стиху. В редакторских решениях публикации 8-го стиха в варианте «И радость, и муки, и всё там ничтожно» с постановкой

запятой между однородными подлежащими, соединенными повторяющимся союзом «и», также можно наблюдать следование стереотипу и очевидную логику, когда одни искажения влекут за собой, по законам грамматики, другие. Однако даже если рассматривать отсутствие запятой у автора как противоречащее грамматике, то это также насыщено смыслом. Тем более, что противоречия здесь нет, так как перед нами не просто перечисление, но акцентирование сложности душевного состояния человека, которое подчеркивает и имеющаяся в автографе усиливательная частица «так» («*а радость и муки, и все — такъ ничтожно*»), тогда как выбранное редакторами наречие «там» (по аналогии с 7-м стихом: «*Въ себя ли загляниши? — тамъ прошлаго нѣть и слѣда*»), вместе с заменой начального союза («а» на «и») и постановкой после 7-го стиха двоеточия вместо авторской запятой («*Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣть и слѣда: / И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...*»), смещает акценты в сторону уточняющего перечисления, устранивая дополнения смысла и снижая силу выраженной автором эмоции. Нельзя отрицать, что пунктуация, даже если она является авторской, «создает художественно значимый и эстетически выразительный ритм повествования» [Захаров, 1994: 358].

На потерю при изданиях знака тире следует обратить внимание и при рассмотрении 1-го стиха. В нем редактор последовательно ставит запятые: «И скучно, и грустно, и некому руку подать», тогда как у Лермонтова: «*И скучно и грустно! — и некому руку подать*». То есть поэт указывает на причину трагического состояния: «и скучно и грустно». Повторяющиеся союзы «и» выполняют здесь функцию углубления смысла текста, внесения иных смысловых оттенков. 5, 7, 8, 9-й стихи в аутентичном тексте построены аналогично, с неизменным тире. Но если 9–10-й стихи при издании воспроизведены без изменений («Что страсти? — вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ / Исчезнетъ при словѣ разсудка»), то в 5-м (первом стихе второго кратрена: *Любить — но кого же? — на время не стоитъ труда*), как и в случае с 1-м стихом, пунктуация варьируется: происходит замена тире на многоточие после слова «любить» и ставится дополнительно знак тире

после наречия «на время»: «Любить... но кого же?.. на время — не стоить труда». Поэт делает акцент на возможности целенаправленного душевного действия, которое неосуществимо из-за отсутствия предмета («но кого же?», ведь «некому руку подать»), тогда как следующая часть уже не близка к деятельной эмоции, но является собой чисто логическую сентенцию, в которой не нужна добавляемая знаком тире экспрессия. Наоборот, в 8-м стихе в конце предложения поставлено многоточие, что лишило лермонтовский стих динаминости и смысловой определенности. Примечательно, что в этой фразе от абстрактных существительных («радость», «муки») автор идет дальше, субстантивируя местоимение «всё»: *«и все — такъ ничтожно»*. Так, внутренняя жизнь оказывается более реальным феноменом, и потому — более значимым, чем движение времени, события, психология отношений (краткое прилагательное «ничтожно» еще более низводит ценность эмоциональной жизни).

Многочисленные и значимые тире в тексте, зачастую убранные или перенесенные редактором, и есть попытка автора объяснить заявленное в его начале состояние: *«и скучно и грустно»*. Попытка эта делается с опорой на традиции школы «гармонической точности»⁷, при помощи использования «принципа исчерпывающего деления» [Пумпянский: 208]: ступенчато отрицается ценность желаний, любви на время, страстей и утверждается, что жизнь — «пустая и глупая шутка». Над этим тезисом автор работает больше всего. Автограф отразил четыре варианта последнего стиха: *«такая пустая, сухая и глупая шутка!»*; *«Такая пустая, и<г> несносна<г> какъ глупая шутка!»*; *«такая пустая, тяжелая шутка!»*; *«такая пустая и глупая шутка»*. В ходе работы Лермонтов максимально освобождается от конкретики. Кроме оставшихся эпитетов «пустая и глупая», были эпитеты «сухая», «несносная<г>» и «тяжелая», которые, нагнетая ситуацию безрадостности,

⁷ Пушкин А. С. <Карелия, или Заточение Марфы Иоановны Романовой> [Пушкин: 110].

⁸ Второй слой правки читается предположительно — это вписка над вычеркнутым в основном тексте эпитетом «сухая», позже зачеркнутая и частично перекрытая впиской третьего слоя (словом «тяжелая»). Еще один возможный вариант прочтения (не нарушающий ритма стиха): *«и плоска<г>»*.

в полноте не отражали мысль поэта и не дополняли предыдущий текст, где уже во 2-й строфе проговаривалось: «*а радость и муки, и все — такъ ничтожно*». Здесь можно увидеть некое оживление заданного литературной традицией суждения: фраза отсылает читателя к гетеевскому «Жизнь — шутка, скверная притом» из «Западно-восточного дивана» [Гете: 352]. Следы чтения Гете особенно выявляются в произведениях Лермонтова 1840 г.: здесь и переложение «Ночной песни странника» («Из Гете»), и композиция и проблематика стихотворения «Журналист, писатель и читатель», восходящего к «Прологу в театре» гетеевского «Фауста». Но если Гете свою ироническую миниатюру с этой сентенции начинает («Жизнь — шутка, скверная притом»), далее насыщая текст конкретными, почти бытовыми высказываниями, то Лермонтов схожим суждением элегию заканчивает: имея литературную традицию, а значит вступая в ситуацию литературного дискурса, оно, с одной стороны, расширяет возможности толкования стихотворения, с другой — привносит в текст значение безапелляционности. Нельзя не отметить и «лишнее» издательскоетире: Лермонтов не ставит знака перед выражением «пустая и глупая шутка», таким образом снижая градус вывода. Жизнь как шутка все же не доминанта этого стихотворения, ведущей идеей которого является грусть от осознания того, что в конкретных обстоятельствах земная жизнь как безусловная ценность невозможна; последний стих есть некое заявление боли, своего рода отчаяния, подчеркнутого восклицательным знаком, который почти все публикаторы стихотворения (за исключением издания 1835–1837 гг. под редакцией Б. М. Эйхенбаума) устраниют.

В стихотворении Лермонтов ставит проблему «существования человека как субъекта бытия, ценностного и духовного» [Москвин: 5]. Ю. М. Лебедев, размышляя об этом лермонтовском шедевре, полагал, что «если рассматривать земную жизнь как единственное, что дано человеку, тогда всё в ней начинает терять свой смысл» [Лебедев: 6]. Замыкай стихотворение отсылкой к Гете, Лермонтов всем своим текстом идет дальше выраженной немецким поэтом идеи несправедливости и противоречивости жизни и человеческой природы, и во

многом это достигается за счет особой субъектной организации лермонтовского текста. Третье лицо гетеевского текста меняется на очень сложную организацию. Исследователи отмечали, что «при "наивном" чтении стихотворение кажется непосредственным внутренним монологом "я", несмотря на то, что никакого "я" (с грамматической точки зрения) тут просто нет» [Малкина: 39]. Довлеющая безличность грамматических форм в стихотворении («и некому руку подать», «И жизнь, как посмотришь⁹...») усиливает трагический пафос одиночества.

Замена многоточия в начале 3-го стиха на сочетание восклицательного знака с многоточием («Желанья... что пользы напрасно и вечно желат<ъ>» — в автографе, «Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..» — в ЛГ, 1840, [Лермонтов, 1954–1957, 1961, 1979, 2014]) добавляет эмоциональной горечи по поводу невозможности жить присущими юности желаниями, тогда как лирическому герою, состоянию которого запечатлев аутентичный текст, ближе философская констатация движения времени.

Комментируя редакторские решения при издании лермонтовского стихотворения и пунктуационные тенденции дефинитивного текста, следует отметить и чрезвычайную насыщенность печатного текста знаком многоточие: если у Лермонтова оно присутствует только в первом четверостишии в конце второго («въ минуту душевной невзгоды...») и в середине третьего стихов («Желанья... что пользы напрасно и вечно желат<ъ>»), а также во втором стихе второго четверостишия («а въчно любить не возможно...»), то в постоянно воспроизводимом в позднейших изданиях редакторском решении прижизненных публикаций дополнительно ставится в середине 5-го (дважды) и в конце 3, 8 и 12-го стихов (за исключением издания [Лермонтов, 1936]). Излишнее употребление этого знака психологически объяснимо: издатель почувствовал парадоксальность текста, неисчерпанность сказанного, так как «многоточие есть апелляция к подтексту, расчет на продолжение жизни высказанного в сфере "невыразимого"»

⁹ В данном случае, при наличии правки в окончании слова в рукописи и неоднозначном прочтении выбор предпочтительнее сделать в пользу варианта, подсказываемого прижизненными публикациями (глагол 2 л. ед. ч.) — эта форма уже была употреблена выше, в 7-м стихе («заглянешь»).

[Гачев: 269], и попытался это передать понятными ему средствами. Однако поставленные редактором знаки: многоточие в заключительном 12-м (вместо восклицательного знака) и в 8-м (вместо запятой) стихах, знак вопроса и многоточие — в конце 3-го стиха — несколько искажают авторскую интонацию, которая имеет смысловое содержание. И хотя часто «через многоточие текст и высказанная в нем мысль как бы заранее застраховывает себя, самокритикуется, указывая, что ей самой понятна ее ограниченность» [Гачев: 269], — здесь, к Лермонтову, это неприменимо. Поэт духовно смел и даже дерзок, категоричность его мысли нарастает по ходу развертывания идеи стихотворения, своей категоричностью он будто погружается во тьму, чтобы «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца» (2 Кор. 4:6). Здесь наступает уже область богословия. Подобный вывод напрямую связан и с аконичностью (бездобразностью) рассматриваемого текста.

Инвариантом аконичности является апофатическое мышление, вербализованное в трактатах Дионисия Ареопагита, — метод негативной теологии, когда мы имеем установку, что постигнуть Сущее можно лишь последовательным отрицанием того, что не является полнотой явления Бога, когда «Бог становится ведомым через неведение»¹⁰. В этом зазоре между тоской по истинной жизни, которая в полноте была не осуществима в пределах жизни земной, и представлением об идеале жизни как абсолютной реализации деятельной натуры поэта — «я каждый день / Бессмертным сделать бы желал» [Лермонтов, 1954; т. 1: 183], как скажет он в другом своем стихотворении, — и состоит духовный смысл рассматриваемого лермонтовского текста. Все желания, любовь, страсти не могут исчерпать потребность человека быть причастным к полноте жизни. Эта идея утверждается всем текстом. Наверное, именно поэтому В. Г. Белинский прочувствовал его как молитву: «Эту молитву твержу я теперь потому, что она есть полное выражение моего моментального состояния...» [Белинский: 232]. В апофатике

¹⁰ Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии / Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений. С толкованиями прп. Максима Исповедника / пер. с греч. и вступл. Г. М. Прохорова. СПб: Изд. Олега Абышко, 2017. С. 146.

Абсолют утверждается через мыслительную реакцию отрицания всего, что не является полнотой Его воплощения. В рассматриваемом тексте, казалось бы, все могло свестись к гетеевскому утверждению, что жизнь — шутка, но трагизм текста, в противоположность ироническому с элементами развлечения стихотворению Гете, этого не позволяет. Лермонтов говорит о том, что важно для жизни его души: о необходимости понимающего человека рядом, желаниях, любви, даже страстиах (он и к ним относится максимально серьезно — в близком по времени создания к рассматриваемому тексту стихотворении «Тучи» (1840) нравственным приговором тучкам звучат слова: «Чужды вам страсти и чужды страдания...» [Лермонтов, 1954; т. 2: 165]). Но не ощущая исчерпывающей полноты подобного существования, он «ропщет на смертный закон, не желая признавать целесообразности в мире, отданном его власти» [Гачева: 104]. Можно сказать, что в этом тексте Лермонтов выразил тоску («и скучно и грустно») «по трансцендентному, по иному, чем этот мир, по переходящему за границы этого мира» [Бердяев: 46].

Спорным является и вопрос заголовка. В прижизненных изданиях заглавие представляло собой два слова категории состояния, разделенные запятой «И скучно, и грустно». В издании, подготовленном Б. М. Эйхенбаумом, запятая отсутствует и в написании первого слова воспроизведен вариант автографа: «И скучно и грустно» [Лермонтов, 1936: 60]. Во всех последующих научных изданиях собрания сочинений Лермонтова, начиная с шеститомника 1954–1957 гг. (и за исключением издания 2014 г.), воспроизводится вариант без запятой, но с написанием предикатива через «ч», в соответствии с орфографической нормой: «И скучно и грустно» (см. [Лермонтов, 1954: 138]). Представляется, что стихотворение должно публиковаться без заглавия (данного, по всей вероятности, первым редактором), которое не выполняет в полной мере своей роли «декодирования художественного целого, управления читательским восприятием» [Патроева: 7], тогда как эта функция в произведении принадлежит зачину — первому стиху. При публикации элегии в новой орфографии следует пользоваться формулировкой «И скучно и грустно! — и некому руку подать...». Именно в этом случае первоначальная установка восприятия стихотворения будет более адекватна авторскому замыслу.

В Таблице 2 представлены рекомендуемые варианты текста для публикации в старой¹¹ и новой орфографии:

Таблица 2 / Table 2

Аутентичный текст	Дефинитивный текст в новой орфографии
Без заглавия	Без заглавия
И скучно и грустно! — и некому руку подать въ минуту душевной невзгоды...	И скучно и грустно! — и некому руку подать В минуту душевной невзгоды...
Желанья... что пользы напрасно и вѣчно желать и годы проходят — всѣ лучшиe годы!	Желанья... что пользы напрасно и вечно желать, И годы проходят — все лучшие годы!
Любить — но кого же? — на время не стоитъ труда а вѣчно любить не возможно...	Любить — но кого же? — на время не стоит труда, А вечно любить невозможно...
Въ себя ли заглянишь? — тамъ прошлago нѣтъ и слѣда, а радость и муки, и все — такъ ничтожно!	В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа, А радость и муки, и все — так ничтожно!
Что страсти? — вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ изчезнетъ при словѣ разсудка И жизнь какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ такая пустая и глупая шутка!	Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг Исчезнет при слове рассудка. И жизнь, как посмотришь с холодным вниманием вокруг, Такая пустая и глупая шутка!

¹¹ Воспроизводится последний слой чернового автографа, а также индивидуальные написания рукописи, отклоняющиеся от правил или имеющие в XIX в. варианты: *скучно* (1-й стих), *проходятъ*, *лучшиe* (4-й), *не возможно* (6-й), *заглянишь* (7-й), *изчезнетъ* (10-й). Авторские описки (*ведь*, *радно*, *позно*, *сладкія*) автоматически правятся. Недописанные в рукописи слова — восстанавливаются. В конце второго кратена в рукописи стоит удлиненная вертикальная черта, которая может прочитываться как запятая. Однако для окончательного текста, поскольку 7–8-й стихи кратена являются законченным предложением, а также по аналогии со знаками в конце первого и третьего кратенов, выбран восклицательный знак.

Сопоставление автографа стихотворения с традицией его публикации выявило отступления от авторской пунктуации: значимые тире в тексте зачастую были убраны или перенесены, добавлены многоточия или комбинация вопросительного знака и многоточия, заменен многоточием восклицательный знак в конце стихотворения. Допущены некоторые лексические замены, вносящие чуждые тексту смысловые оттенки. Чтение содержащего авторские правки автографа стихотворения «И скучно и грустно! — и некому руку подать...» указывает на необходимость знакомства читательской аудитории с дефинитивным текстом. Анализ конструируемых Лермонтовым многочисленных антиномий, внимание к авторской пунктуации позволили в результате исследования преодолеть штампы восприятия элегии и дать ее трактовку, согласующуюся с особенностями художественного мышления поэта. В статье выявлены смысловые центры стихотворения, связанные с выражением духовного состояния лирического героя и ценностного мира его души. Прочтение текста в аутентичном виде позволяет приблизиться к пониманию внутреннего устройства поэта и уточнить духовные смыслы лермонтовского шедевра.

Список литературы

1. Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: ст. и рецензии / ред., вступ. ст., примеч. Н. И. Мордовченко. Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1940. 266 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Междунар. отношения, 1990. 336 с.
3. Гачев Г. Д. Развитие образного сознания в литературе // Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении: [в 3 кн.]. М.: Изд-во АН СССР, 1962. [Кн. 1]: Образ, метод, характер. С. 186–311.
4. Гачева А. Г. «Аргонавты бессмертия». Иммортиализм русского космизма // Русский космизм в идеях и лицах. М.: Акад. проект, 2019. С. 101–191 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44144074_65737435.pdf (12.03.2025). EDN: KWQIWI
5. Гете И.-В. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 1. 528 с.
6. Гулин А. В. Небесный ангел Михаила Лермонтова (духовный опыт как творческая категория) // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 1. С. 6–35 [Электронный ресурс]. URL: https://rusklassika.ru/images/2023-5-1/01_Gulin_6-35.pdf (12.03.2025). DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35. EDN: DEWJFF

7. Захаров В. Н. Канонический текст Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. С. 355–359 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23912782_15757882.pdf (12.03.2025). EDN: UDHJJV
8. Захаров В. Н. Достоевский для XXI века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 3. С. 194–199 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42365849_24927346.pdf (12.03.2025). EDN: BLXZRO
9. Киселева И. А., Поташова К. А. Динамическая поэтика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес» (1841) // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 128–144 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591695100.pdf (12.03.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162. EDN: CVKNTV
10. Киселева И. А., Поташова К. А. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840): поэтика текста и образа // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 25–49 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1715267320.pdf (12.03.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463. EDN: ADSEMW (a)
11. Киселева И. А., Поташова К. А. Текстологическая критика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1840) // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 7. С. 276–292 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/5683/2571> (12.03.2025). DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-276-292. EDN: VXBAFL (b)
12. Лебедев Ю. В. М. Ю. Лермонтов и русская литература: к 200-летию со дня рождения поэта // Литература в школе. 2014. № 6. С. 2–8 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21541715_99952981.pdf (12.03.2025). EDN: SDKIKZ
13. Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: в 5 т. / под ред. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 2: Стихотворения 1836–1841. 280 с.
14. Лермонтов М. Ю. Соч.: в 6 т. / [ред.: Н. Ф. Бельчиков и др.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957.
15. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1: Стихотворения 1828–1841 / под ред. Б. В. Томашевского; подгот. текста, примеч. и вступ. ст. Т. П. Головановой. 755 с. 6 л. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-literature.org/tom/3633> (12.03.2025).
16. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, 1979. Т. 1: Стихотворения 1828–1841 / подгот. текста, comment. Т. П. Головановой. 655 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-literature.org/tom/421754> (12.03.2025).
17. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Изд-во Пушкин. Дома, 2014. Т. 1: Стихотворения 1828–1841 / отв. ред. Н. Г. Охотин. 776 с.

18. Лукьяненко И. Н. Синтаксические средства выражения концептуального смысла стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (статья 1) // Вестник Российской государственного университета им. И. Канта. 2010. № 8. С. 65–70 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-sredstva-vyrazheniya-konseptualnogo-smysla-stihotvorenija-m-yu-lermontova-i-skuchno-i-grustno-st-1/viewer> (12.03.2025). EDN: MTXYGF
19. Малкина В. Я. «Некому руку подать...» (о субъектной структуре стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно») // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 7 (69). С. 37–40 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16540841_81468484.pdf (12.03.2025). EDN: NXZAZX
20. Москвин Г. В. К вопросу о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова // Litera. 2024. № 8. С. 1–8 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_69171316_62887856.pdf (12.03.2025). DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71312. EDN: ZHNLOE
21. Патроева Н. В. Инициальные бытийные предложения в русской поэзии XVIII–XX вв.: опыт грамматического и функционально-семантического описания // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 5–6. С. 6–31 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18253844_35803811.pdf (12.03.2025). EDN: PJLRHF
22. Пумпянский Л. В. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина / предисл. Н. И. Николаева // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. Т. 10. С. 204–215 [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isa/isa-204-.htm> (12.03.2025).
23. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834. 600 с.
24. Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова / под ред. В. В. Бородина, А. Я. Шайкевича; сост. А. А. Авдеева, В. В. Бородин, Н. Я. Быкова, С. М. Козокина, Н. А. Гордеева, Л. А. Макарова, А. Я. Шайкевич // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом), науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.». М.: Сов. энцикл., 1981. С. 717–774 [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-lfd/lre-7172.htm> (12.03.2025).

References

1. Belinskiy V. G. M. Yu. Lermontov: stat'i i retsenzii [M. Yu. Lermontov: Articles and Reviews]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhesvennoy literatury Publ., 1940. 266 p. (In Russ.)
2. Berdyaev N. A. Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii) [Self-Knowledge (the Experience of Philosophical Autobiography)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1990. 336 p. (In Russ.)
3. Gachev G. D. The Development of Imaginative Consciousness in Literature. In: Teoriya literatury: osnovnye problemy v istoricheskem osveshchenii: v 3 knigakh [Literary Theory: the Main Problems in Historical Interpretation:

- in 3 Books]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962, book 1: the Image, the Method, the Character, pp. 186–311. (In Russ.)*
4. Gacheva A. G. The Argonauts of Immortality. The Immortalism of Russian Cosmism. In: *Russkiy kosmizm v ideyakh i litsakh [Russian Cosmism in Ideas and Faces]*. Moscow, Akademicheskiy proekt Publ., 2019, pp. 101–191. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44144074_65737435.pdf (accessed on March 12, 2025). EDN: KWQIWI (In Russ.)
 5. Goethe I. W. *Sobranie sochineniy: v 10 tomakh [The Collected Works: in 10 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, vol. 1. 528 p. (In Russ.)
 6. Gulin A. V. Heavenly Angel of Mikhail Lermontov (Spiritual Experience as a Creative Category). In: *Dva veka russkoy klassiki [Two Centuries of the Russian Classics]*, 2023, vol. 5, no. 1, pp. 6–35. Available at: https://rusklas-sika.ru/images/2023-5-1/01_Gulin_6-35.pdf (accessed on March 12, 2025). DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35. EDN: DEWJFF (In Russ.)
 7. Zakharov V. N. The Canonical Text of Dostoevsky. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo: sbornik nauchnykh trudov [New Aspects in the Study of Dostoevsky: Collection of Scientific Works]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 355–359. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23912782_15757882.pdf (accessed on March 12, 2025). EDN: UDHJJV (In Russ.)
 8. Zakharov V. N. Dostoevsky for the 21st Century. In: *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Foundation for Humanities]*, 1999, no. 3, pp. 194–199. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42365849_24927346.pdf (accessed on March 12, 2025). EDN: BLXZRO (In Russ.)
 9. Kiseleva I. A., Potashova K. A. The Dynamic Poetics of Mikhail Lermontov's Poem "The Cliff" (1841). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 128–144. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591695100.pdf (accessed on March 12, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162. EDN: CVKNTV (In Russ.)
 10. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Poem by M. Yu. Lermontov "To the Portrait" (1840): Poetic of the Text and Image. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 2, pp. 25–49. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1715267320.pdf (accessed on March 12, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463. EDN: ADSEMW (In Russ.) (a)
 11. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Textual Criticism of Mikhail Lermontov's Poem "Valerik" (1840). In: *Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]*, 2024, vol. 13, no. 7, pp. 276–292. Available at: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/5683/2571> (accessed on March 12, 2025). DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-276-292. EDN: VXBAFL (In Russ.) (b)
 12. Lebedev Yu. V. M. Lermontov and Russian Literature: to the Poet's 200th Anniversary. In: *Literatura v shkole [Literature at School]*, 2014, no. 6, pp. 2–8. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21541715_99952981.pdf (accessed on March 12, 2025). EDN: SDKIKZ (In Russ.)

13. Lermontov M. Yu. *Polnoe sobranie sochineniy: v 5 tomakh* [The Complete Works: in 5 Vols]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936, vol. 2: Poems 1836–1841. 280 p. (In Russ.)
14. Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [The Collected Works: in 6 Vols]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954–1957. (In Russ.)
15. Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy: v 4 tomakh* [The Collected Works: in 4 Vols]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961, vol. 1: Poems 1828–1841. 755 p. Available at: <https://russian-literature.org/tom/3633> (accessed on March 12, 2025). (In Russ.)
16. Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy: v 4 tomakh* [The Collected Works: in 4 Vols]. 2nd ed., corrected and supplemented. Leningrad, Nauka Publ., 1979, vol. 1: Poems 1828–1841. 655 p. Available at: <https://russian-literature.org/tom/421754> (accessed on March 12, 2025). (In Russ.)
17. Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy: v 4 tomakh* [The Collected Works: in 4 Vols]. St. Petersburg, Pushkininskiy Dom Publ., 2014, vol. 1: Poems 1828–1841. 776 p. (In Russ.)
18. Lukyanenko I. N. Syntactical Means Conveying the Conceptual Meaning of the Poem “Boring and Sad” by M. Yu. Lermontov: Article 1. In: *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Kanta* [Vestnik of the I. Kant State University of Russia], 2010, no. 8, pp. 65–70. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-sredstva-vyrazheniya-kontseptualnogo-smysla-stihotvoreniya-m-yu-lermontova-i-skuchno-i-grustno-st-1-viewer> (accessed on March 12, 2025). EDN: MTXYGF (In Russ.)
19. Malkina V. Ya. “There’s No One Around...” (On the Subject Structure of Mikhail Lermontov’s “Bored and Sad”). In: *Vestnik RGGU. Ser.: Istorija. Filologija. Kul’turologija. Vostokovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Ser.: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2011, no. 7 (69), pp. 37–40. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16540841_81468484.pdf (accessed on March 12, 2025). EDN: NXZAZX (In Russ.)
20. Moskvin G. V. On the Topic of the Beginning of Existential Prose by M. Yu. Lermontov. In: *Litera*, 2024, no. 8, pp. 1–8. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_69171316_62887856.pdf (accessed on March 12, 2025). DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71312. EDN: ZHNLOE (In Russ.)
21. Patroeva N. V. The Initial Existential Clauses in Russian Poetry of the 18th — 20th Centuries: Experience of Grammatical and Functional Semantic Description. In: *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 2012, no. 5–6, pp. 6–31. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_18253844_35803811.pdf (accessed on March 12, 2025). EDN: PJLRHF (In Russ.)
22. Pumpyanskiy L. V. On Exhaustive Division, One of the Principles of Pushkin’s Style. In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Researches and Materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, vol. 10, pp. 204–215. Available at: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isa/isa-204-.htm> (accessed on March 12, 2025). (In Russ.)

23. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 11: Criticism and Journalism, 1819–1834. 600 p. (In Russ.)
24. The Frequency Dictionary of the Language by M. Yu. Lermontov. In: *Lermontovskaya entsiklopediya [The Lermontov Encyclopedia]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1981, pp. 717–774. Available at: <https://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-lfd/lre/lre-7172.htm> (accessed on March 12, 2025). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Киселева Ирина Александровна, Irina A. Kiseleva, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской классической литературы, Государственный университет просвещения г. Москва, Российской Федерации, ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, 105005, Россия; Professor, Head of the Department of Russian Classical Literature, State University of Education (ul. Fridrikha Engelsa 21/3, Moscow, 105005, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-0035>; e-mail: irina-sever03@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 31.07.2025

Принята к публикации / Accepted 01.08.2025

Дата публикации / Date of publication 24.11.2025